

Н. Алексеев

Игра судьбы

Исторический роман

Игра судьбы / Н. Алексеев; Невольная преступница / П. Москвин; Живой мертвец / А. Зарин: Из эпохи царствования Екатерины II и Павла I.-- М.: СКС, 1993.-- (Романт. хроники).

OCR Бычков М. Н.

I

В знойный, ясный июльский день 1768 года, по Луговой улице (ныне Морская), что прилегала к Невскому проспекту в Санкт-Петербурге, часу в третьем дня, медленно двигалась огромная карета очень неказистого вида. Она вся вздрагивала, скрипела и звенела гайками при каждом толчке; казалось, вот-вот развалится допотопный экипаж; всюду виднелись какие-то веревочки и ремешки. Наверху ее были грудой навалены сундуки, ларцы и корзины самых разнообразных форм; позади, на особом плетеном сиденье, похожем на мешок из веревок, сидел парнишка лет пятнадцати и, разинув рот, поглядывал по сторонам.

Экипаж был запряжен тройкой мохнатых, мелких, разномастных и грязных кляч. Ими правил, чуть шевеля вожжами, здоровенный детина, одетый, несмотря на жару, в овчинный кожан и черный меховой треух.

Улица была полна движения. Чинно прогуливались молодые девушки в сопровождении медлительных папаш и мамаш, затянутые в рюмочку, в огромных шляпах, представлявших собой целые сады и вавилонские башни; переглядываясь с ними, бродили статские щеголи в цветных фраках, кафтанах, ярких камзолах, лосиных панталонах, ботфортах, шелковых чулках, в башмаках с серебряными пряжками и высокими каблуками. Сновали сердцееды-гвардейцы, алея красными отворотами мундиров; изредка мелькала скромная синяя шинель армейского пехотинца. Проносились кареты вельмож, запряженные цугом несколькими парами великолепных коней; скакали конногвардейцы и гусары, щеголяя друг перед другом и конями, и ловкостью посадки.

Из кареты выглянула голова старика, прикрытая несуразной шапкой.

-- Эй, милый человек! -- крикнул он глазевшему на диковинный экипаж человеку в мещанском кафтане.-- Не знаешь ли, любезнейший, где здесь дом его превосходительства Андрея Григорьевича Свияжского?

-- Свияжского? А вот этот самый и будет,-- ответил мещанин, указывая на высившийся наискось двухэтажный дом, построенный в кричащем стиле того времени.

-- Спасибо, любезный! Проща! Слышь, правь туда! -- крикнул старик, и его голова снова скрылась во тьму кареты.-- Слава Богу, добрались,-- промолвил он, обращаясь к сидевшему против него молодому человеку.-- Ну вот, сейчас и с дяденькой свидишься, Александр Васильевич. Ты только не робей. Сперва поклон выправь как следует, а потом и письмецо подай. Лицом в грязь, чай, не ударишь: недаром тятенька французского немца три года для манер держали.

Юноша, видимо, волновался. По его лицу шли красные пятна, дрожащими пальцами он нервно расправлял складки одежды.

-- Стой, Проща! -- крикнул старик, когда карета поровнялась с подъездом.-- Ну, Господи благослови!

-- Страшно, Михайлыч! -- прошептал юноша.

-- Ну чего же страшно? Не к чужим, к своим приехал.-- Старик открыл дверцу, вышел сам и сказал: -- Пожалуй, Александр Васильевич.

Молодой человек выпрыгнул из экипажа и на минуту остановился. Он был высокого роста, широкоплечий, со свежим, красивым лицом. Усы чуть намечались, голубые глаза смотрели застенчиво, в движениях чувствовалась юношеская неловкость. Его одежда оставляла желать многого. На голове красовалась старенькая шляпа с приподнятыми с трех сторон полями; кафтан и панталоны были из грубого сукна, на ногах были надеты белые толстые шерстяные чулки и тяжелые башмаки с медными пряжками.

-- Иди же, Александр Васильевич, не бойся! -- шепнул Михайлыч.